

МАРИНА ИВАНОВА

ГЕН ЖИЗНИ

Роман

18+

Марина Ивановна Иванова

Ген жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48774397

SelfPub; 2020

Аннотация

Начало 90-х годов. В Мурманске идет дележ рыбного флота. Пароходы скупаются под рыбные кооперативы. Марго восемь лет. Она бежит вместе с родителями из города в холодильниках, чтобы спастись от смерти. Их преследует местный криминальный авторитет Виктор Мурманский, погоняло Барон. Он забирает у них весь бизнес. Марго приезжает жить в Ставрополь на заброшенную дачу. Работы для родителей нет, вся семья голодает. Спасает, что на дачах есть кое-какая падаль. Это помогает не умереть с голоду. Марго рано становится взрослой. Что выберет – добродетель, пороки?

Содержание

ПРИГОВОР	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	45
ВЫЖИТЬ	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

«Народ, не знающий своего прошлого,
не имеет будущего» М. Ломоносов

ПРИГОВОР

Глава 1

Баренцево серебристое море покачивает на рейде десять пароходов в шумящей белой пене. Хорошую прибыль дают эти рыбные кооперативы. Но запах рыбы и водорослей никак не связан с запахом денег. У последних он слаще, с типографским трупным запахом. Конечно, кто в жизни пошустрее, тот и пожирнее. Так было раньше, сейчас, будет после нас, так будет всегда, не зависимо, кто где живет – на юге или на севере. Южане, что пошустрее прибыли на север с единственной целью заработать или украсть. Вот и Виктор Мурманский, местный авторитет, давно здесь обосновался. Он не знал, как живет его отец в южном городке Ставрополе, не знал, что мать давно умерла, он и про женитьбу свою никому не сказал. Да какая это женитьба, – привел даму домой, сделал домработницей, она родила сына, назвала Русланом. Вот и весь сказ, потому что саму звали Людмилой. Но денег мало бывает только у тупых. Так думал Виктор Мурманский. Он считал себя умным, отбирал быстрее, чем другие зарабатывали.

– Вор в законе – хорошая профессия! – смеялся он. – Ладно, на кону стоят эти кооператорщики. Сегодня ночью будем их убивать.

Мужчина, произносивший эти банальные вещи, был небольшого роста казался широким везде, черные волосы накренолино – зализанные раздражали всех, только все смотрели ему в глаза заискивающе – любя. По – другому нельзя. Они всегда ему улыбались. Даже когда он выходил из своего тела. А это бывало, когда он выпивал. Тогда все делали то, что он прикажет. Раздевались наголо, ползали по – пластунски, кричали петушком подставляя свою розовую задницу. Но Виктор утром ничего этого не помнил, руки были по плечи в крови, трупы выносились тут же на кладбище, подбрасывались в заброшенные могилы по – соседству. Даже никто не пил за упокой ближнего. Потому что это были отбросы, без дома, без лица, без жизни. Имена многих никто так и не узнал. Погоняло пришивали вместе с биркой к тюремной форме. Когда откидывались с нар, приходили к пахану, тот их прописывал по – родственному, заряжая новым заданием и рюмкой водки в хорошем кабаке в гостинице Арктика.

Там как раз сейчас обсуждали новое дело. Семья Паделкина была определена в очередь на убийство. Да, представьте себе, в очередь на убийство тоже нужно было записаться. Семья из четырех человек: мать, отец и две дочки – погодки. Красивые белокурые красавицы с чертами тонких забытых северных народов. Есть такие лица, они запоминаются сразу. Скулы ярко – выраженные на миловидном личике, маленькие ручки с крохотными ноготочками, раскосые выразитель-

ные глаза яркого бирюзового цвета.

Марго была младше Натальи всего на один год. Но несколько не уступала сестре – флегме. Та всегда медленно все делала, чем раздражала Марго. Младшая сестра вокруг старшей сделает два круга, пока та встанет с кровати. Марго была шустрым ребенком, мамина любимица с пышными длинными ресницами, с кукольной внешностью и преданным взглядом. Она действительно была похожа на куклу. Именно такие куклы производились в Германии. Их так и называли Марго.

– Маргарита, собери игрушки, – смеялась мама, рассматривая любимую дочку, – и за Наташу тоже.

– Ма, она же старшая, пусть сама уберет, – возмущалась Марго.

Но увидев строгий взгляд мамы, собирала игрушки быстрее, чем Наташа их разбрасывала. Все время приговаривала, что ей не трудно, она за всеми уберет, и за папой тоже. Марго больше всех на свете любила отца. Она была его защитницей, если он приходил немного подвыпивший, понимала, что папа владелец пароходов, бизнесмен, хозяин может немного расслабиться. Марго хотела быть похожей на папу, училась на отлично в первом классе. Правда не любила эту школу со стеклянными стенами, говорила, что тоже хочет быть бизнесменом.

Она не знала еще, что бизнесмена сегодня ночью должны были убить вместе с этими десятью пароходами – коопера-

тивами по производству рыбы. Что он вместе с нею стоит в очереди на убийство. Девяностые годы – это очередь на убийство всех. Только никто не знал, когда эта очередь подойдет. А вот Василий Федорович Паделкин знал, ему сообщил один из поделщиков Виктора Мурманского, так и сказал: «Сегодня придут за твоей семьей, ровно в три часа ночи, очередь подошла».

– Папа, я игрушки все собрала! – закричала Марго, увидев забежавшего трясущегося отца.

– Валя, быстрее собери документы, все что есть ценного, наша очередь подошла! – закричал Василий Федорович.

Наташа внимательно слушала родителей, глядя снизу – вверх то на одного, то на другого, как всегда медленно переводя раскосые глаза. Она сразу побежала за своим любимым портфелем, ведь ей только что его купили. Она теперь взрослая, второклассница. Марго – дурочка была рада ее старому портфелю. Хотя мама ей купила новый тоже. Но она сказала, что старых друзей не бросают. С удовольствием носила в школу оба ранца. Услышав, что нужно собираться, забежала в спальню, схватила любимого плюшевого медведя, сунула его в старый рюкзак, собрала свои учебники, тетради, это были для нее ценные вещи.

Отец со злостью пнул рюкзак, переступил через Марго, схватил ее пальто, меховую шапку, надел все это на младшую дочь. Валентина Ивановна открыла стенку, достала документы, дрожащей рукой перелистывала бумажки, отбра-

сывая в сторону ненужную макулатуру. Она аккуратно положила свидетельства о рождении девочек, паспорта в папку, Василий Федорович открыл сейф, долго возле него возился, что – то засовывая в большую спортивную сумку, затем выхватил папку с документами у жены, бросил туда же.

– Господи, за что меня наградил глупой женой? – закричал он. – Быстрее все теплые вещи на себя и на детей натягивай!

Валентина Ивановна удивленно посмотрела на мужа. Ведь на улице сентябрь месяц. Даже для Мурманска еще рано шубы и шапки надевать. Но она знала жадный нрав своего мужа, натянула на раскрасневшуюся Марго еще одну меховую шапку. Пот заливал девочке глаза, она пыталась промокнуть эту въедливую соль пышными густыми ресницами, часто моргала. Марго стояла в валенках, двух шубах с двумя рюкзаками сзади. В руках держала плюшевого мишку, не давала отцу отобрать его, приговаривала: «Друзей не бросают! Не отдам!».

Ей было все равно в какой очереди они стояли. Она уже к ним привыкла. В магазинах ничего не было, игрушки тоже были пластмассовыми, а за этим мягки теплым существом они такую очередь выстояли, никому не позволит его переставить в другую очередь. Наташа крутила пальцем под первой меховой шапкой, сверху у нее была повязана пушистая шаль, про которую часто пели песню, – этот оренбургский платок. Они сами были родом из Оренбургской области, в

крови смешались мордвины и саамы, но они про это не догадывались. Хотя видели, что отличаются от своих сверстников внешностью, маленьким ростом, худобой. Все думали, что они не доедают. Но родители жили небедно. Отец ходил в море, пока СССР не развалился. Позже скупил все пароходы Тралового флота, селедку, консервы, рыбу морозил прямо на них, отправлял в Норвегию, Финляндию и другие ближние зарубежья. В доме часто было весело, столы ломились от яств, играла заграничная музыка, видеофильмы показывали смешных Тома и Джерри, когда все смотрели «Ну, погоди!».

– Ладно, что задумались? Вы уже взрослые, поэтому скажу вам честно! Мы отправляемся на Северный полюс! – заговорщически произнес отец.

– Ура! – закричала терявшая сознание от перегрева Марго, и добавила удивленно — А разве мы не на нем живем?

– Дура, мы на Кольском острове живем, – важно отчитала ее старшая сестра. – Северный полюс еще дальше!

Отец осторожно приоткрыл шторы, выглянул в окно, полярная ночь в Мурманске уже светила во всю. Но фонарь перед домом освещал сонный город. К подъезду подъехала грузовая машина с холодильными камерами. Отец кивнул матери, быстро оглядел квартиру, схватил спортивную сумку на плечо, открыл дверь. Приказывая чтобы выходили.

Для каждого человека бывают дни, про которые не хочется вспоминать. Вот эта поездка запомнилась девочкам очень

хорошо. Для каждого была организована морозильная камера. Путешествие на Северный полюс началось быстрее, чем они думали. Мурманск провожал их молча. Никто их не видел, пост Гаи проехали без видимых денежных потерь. Но стоять в морозильных камерах, привязанных друг к другу цепями, подпрыгивать каждый раз, когда колесо попадало в выбоину, упираться на боковую стенку, если машину понесло юзом, качая пассажиров то в одну, то в другую стороны было невыносимо. Теперь было понятно, почему шапки и шубы с пальто пригодились. Марго сидела на корточках держала в руках плюшевого друга, уговаривала его не плакать, потерпеть, ведь скоро будет Северный полюс, главное они вместе. Она иногда садилась на холодный пол холодильника. В просверленных дырках в крыше она видела северную звезду, которая бежала за ними следом, не хотела отпускать. Холод прокрадывался через пластмассовую обивку рефрижератора.

– Никогда не думала, что меня на северный полюс повезут, как синюю курицу в холодильнике? – шептала Марго. – Но я обещала папе, что буду молчать, иначе волшебство не придет и мы не попадем на Северный полюс, – размышляла девочка восьми лет.

Незаметно она уснула и неизвестно сколько проспала, свернувшись калачиком. Но проснулась оттого что ей стало очень жарко, вернее жарко стало плюшевому мишке, которого она обнимала. Она пыталась перевернуться на другой

бок. Ножки не слушались, странно повернулись в валенках задом наперед.

«Ой, может быть я Алиса в Стране Чудес, сейчас придет Волшебник и вернет ножки на место. А то как – то не хорошо ходить вперед спиной», – улыбнулась Марго. Тут же услышала странное слово – Ростов. Голос папы сразу заставил улыбнуться. С папой ведь ничего страшного не может произойти. Наверное, это пароль, чтобы нас пропустили на Северный полюс. Но почему здесь так жарко? В дырочки сверху светила уже не северная звезда, а яркое солнце. Дверь холодильника открылась, папа протянул руки и сказал: «Ну что, малышка, разговаривала в холодильнике? Поэтому мы на Южный полюс вместо Северного прибыли».

– Нет, я только на ушко шептала Потапычу, – заморгала глазами Марго.

– Ну вот, поэтому мы скорее всего не попадем на Северный полюс, – улыбнулся отец.

Марго заплакала, мама быстро пришла на помощь, уредила дочь, что ее вины здесь нет. Сказала, что она сама разговаривала всю дорогу. Мама взяла Марго на руки, спустила ее следом за Наташей с машины. Вокруг были деревья, как в лесу. Машина с холодильными установками заехала в какую – то лесополосу. Деревья были заросшие пожелтевшей травой. Листья набирали желтизну. Мама быстро снимала с девочек зимнее обмундирование, прятала все в мешок. Водитель достал покрывало, бросил на траву, сказал, чтобы располага-

лись, тут же бросил пакет с бутербродами, которые еще в холодильнике всем надоели, от этого горшок зеленого пласта-масса был полон у Наташи. А Марго только один раз пописала. Она всегда была терпеливее сестры. Приключение поездки на Северный полюс ей не очень понравилось, но она ничего не сказала родителям. Наташа плакала, просила отвезти ее домой. Сказала, что передумала ехать в путешествие.

Водитель в это время прикручивал к машине номера с двадцать шестым регионом, все время косился в сторону отца, приговаривая, что денег придется прибавить, здесь народ пожаднее, чем на севере. Да и заправка обошлась ему дороже, чем он ожидал. Василий Федорович протянул ему пачку денег, по – дружески постучал по плечу.

– Ничего, холодильники везешь на продажу пустые, кому твой товар нужен, вот если бы компьютеры, другой разговор был бы, – смеялся отец.

– Нет, папа, в компьютер я точно не помещусь! – запротестовала Марго, разглядывая с удовольствием птичек, которые щебетали на деревьях, она подняла Потапыча повыше, показывала ему красоты юга.

– Па, а Южный полюс даже лучше! – со знанием дела произнесла Марго.

– Конечно, лучше! – засмеялся отец, просверливая дырки размером с иллюминатор сбоку холодильника. – Поедем с ветерком! Но вы не должны разговаривать! Иначе вообще никуда не приедем!

– Скорее бы уже это путешествие закончилось! – канючила Наташа.

Глава 2

Виктор Мурманский ворвался в квартиру Паделкина сразу, как узнал, что братва его не нашла. Цепким взглядом выпученных глаз сверлил дыры в стенах четырехкомнатной квартиры. Стукнул кулаком по Чехословацкой стенке цвета ореха, так что Императорский сервиз из белого фарфора зазвенел будильником, едва не разбившись. Виктор, зло сплюнув, рухнул в кожаное кресло той же цветовой гаммы, что и гарнитур, достал сигару, откусил закопченную верхушку, выстрелил ею в заискивающую шестерку – халдея, который уже стоял с зажигалкой на вытянутой руке.

– Не могу понять, как им удалось бежать? – заикаясь произнес халдей. – Мерс в гараже. Их же четверо, если бы один был.

Виктор Мурманский, погоняло Барон, выпустил в лицо говорившего газовое облако, затушил сигару о его щеку, брезгливо произнес: «Какая разница сколько их? Ты сдал, когда придем?».

Подельник мелко сотрясал головой, придерживая ожог рукой, повторял одно и то же: «Хоть на пику, не я».

Барон был зол на себя, потому что не ожидал, что такая вошь, как начальник рыбокоопы, исчезнет раньше, чем придут его люди. Он ходил по квартире с сигарой, которую потерпевший вновь ему зажег, обрезав кончик канцелярским но-

жом, которым Барон его едва не убил. Но Виктор Мурманский уже забыл про это, рассматривал сейф с интересом, открыл бар, кивнул, чтобы налили виски.

– Лед в холодильнике! Вчера только заморозили!

Виктор Мурманский был вхож в этот дом. Считался лучшим другом это этому вшивому Ваське Паделкину. Они вместе учились в мореходке в Питере. Этот город на каждого повлиял по – своему. Виктора поймали с фарцой. Он любил красиво одеваться, джинсы появились у первого в группе, затем кожанка, а к ней револьвер и срок за убийство.

А в Мурманске все удивлялись, как простой штурман Васька Поделкин стал хозяином пароходов? А никак! Без сильной поддержки криминального боса ничего не случилось бы. В городе все решали понятливые структуры. Власть их любила. Считалось, что без них порядка в стране не будет. Вот и решали, кому возглавить кооперативное движение в социалистическом лагере.

– Значит так, скорее всего они бежали на Родину. Просеять любим ситом всю Оренбургскую область. Достать мне моего дружка целым и невредимым. У меня к нему есть вопросы! Квартиру его забираю сыну. Руслану понравится подарок на день рождения.

Еще бы не понравилась квартира в центре Мурманска. Балкон выходил на площадь Пять Углов с одной стороны, на универмаг Волна – с другой. Это центр города. Единственная квартира с зарубежные ремонт, огромная люстра из ве-

нецианского хрусталя украшала зал, переливами сверкая во все окна, мягкая кожа скрипела, зазывая присесть на недавно приобретенный гарнитур.

Василий Федорович Паделкин вечерами в красивых лаковых туфлях с бокалом виски отдыхал на своем любимом трофее. Он привез этот гарнитур из Франции. Сбил цену, как говорится, по-царски. Продал им ржавый постамент старого судна, как потемкинскую деревню, мастерски залакировал тряпки в щелях на списанной рухляди. Много чего еще сделал, о чем знал Барон, с другом делился, пока жирел. Но парадокс – когда денег стало много, ему показалось, что их не хватает.

– Где же ты, мой лучший посаженный принц? – задумался Барон. – От меня еще никто не скрылся. Тебя обязательно найду. Но сначала того, кто тебя предупредил.

На следующий день Виктор Мурманский перевез семью в новую меблированную квартиру с люстрой из венецианского хрусталя. Людмиле она давно нравилась. Поцеловав мужа, она призналась в этом, поблагодарив за подарок. Документы были сделаны в законном порядке, как все, что касалось Барона. Он держал город, как новорожденное дитя, которое не умело ходить, говорить, думать. Виктор Мурманский учил город жить заново. Как сына Руслана, который не был похож на отца.

В комнате сидел с книгой в руках белокурый курчавый мальчик десяти лет. Он был похож на ангела. Блондинка мо-

дельной внешности, с рабской душой служанки, смогла родить такое чудо. Только сама в отличие от него ни одной книги не прочла. Людмила кроме уборки, готовки, стирки ничего не умела. А Руслан засыпал с ними. Откуда такая тяга к знаниям? Все решили, что в отца пошел. Барон не возражал. Он приглядывался к сыну, не знал, кого из него слепить. Он отдал его в секцию боевых искусств, но можно еще на бально – спортивные танцы. Новая мода собирается прийти в Россию. Почему бы нет?

– Как скажешь, хозяин! – улыbnулась Людмила и обняла мужа.

Людмила была тенью Виктора Мурманского, ее просто не было. Это удобно! Единственный недостаток такого существования – у нее ничего не было. Ни квартиры, ни машины, ни денег. Барон специально ничего на нее не регистрировал. Все принадлежало сыну. Но она боготворила его за то, что он ее содержит. Психология проститутки. Что будет с нею, если его не станет, ее не интересовало. Она знала, что со своей внешностью вновь станет чьей – то вещью, давно смирилась с этим. Еще когда бежала из деревни в новую питерскую жизнь. Работала официанткой, уборщицей, посудомойкой, пока не встретила красавца в джинсах и кожанке. Долгие годы жила в малине, дожидаясь Виктора из тюрьмы. Ее никто не обижал. Все знали, что она вещь Барона, подкармливали вместе с кошкой. Одевали, кормили, ни с кем не разрешали общаться.

Когда вышел из тюрьмы барон, забрал свою вещь сразу. Когда выпивал, выходил из тела, ее прятали. Это был приказ самого Барона. На оргии привозили свежую кровь – молодых брюнеток, шатенок, рыжих. Они участвовали в ленинских субботниках. Затем исчезали. А Виктор опять руки мыл от крови. Людмила это видела. Знала, что ее спасет Руслан. Но он ведь скоро вырастет, она про это тоже не забывала.

– Сынок, тебе нравится мой подарок на день рождения? – похлопывая Руслана по плечу, спрашивал Барон.

– Да, спасибо, нравится, здесь библиотека недалеко.

– Надо же библиотека! Когда я был маленьким, тоже любил читать, Тома Сойера изображал перед девчонками в парке. У меня даже был личный Гекльбери Финн. Ищу теперь его везде, – ухмыльнулся Барон и потрепал Руслана за подбородок. – Как тебе новый тренер по каратэ?

– Мне нравится, придешь на спарринг?

– Постараюсь, но дел много, сам знаешь? Весь город на мне.

Виктор вздохнул, подмигнул Людмиле, напомнил, что хотела отвести сына в танцевальную студию. Ведь мужчина должен уметь танцевать Венский вальс, а не только бить рожу. Это было его твердое убеждение. Сын должен быть аристократом. Учиться будет только в Англии. Страны России – нет. Он знал это точно. Для того, чтобы здесь родился человек новой формации, нужно всех людей стряхнуть с планеты

Земля. Слишком глубокие корни у российского греха, как у травы – пырея, которую, конечно же, завезли в нашу страну американцы, чтобы мы умерли с голоду. Хотя этот многолетний живучий сорняк – наше российское нутро. Длинные устрашающие корни до метра уходящие в землю – наши пороки, шпагой вонзающие белесый острый коготь в тело страны, чтобы оставить след воровского потомства, расплзающегося по всей стране. Сверху зеленый красивый кустик, раскинувший во все стороны безобидные побеги. А вокруг уже ничего не растет, потому что снизу ползучие змеиные шипы уничтожают все.

– Когда эти твари наедятся? – орал Барон на подельника. – С руки ведь кормил! Найдем крысу, обязательно найдем! Сегодня же ксива улетит на юг. Там тоже шмон наведем.

Глава 3

Василий Федорович, получив новые документы, стал именоваться Кузнецовым. Таких фамилий было в Ставрополе много. Неспроста эту же фамилию носил Барон. Девочкам объяснили, что на Южном полюсе положено иметь такую фамилию, иначе не пропишут. Марго новая фамилия понравилась. Она радовалась, что хоть не Дурнова, как у ее одноклассницы в Мурманске.

Отец заселил их в заброшенном дачном поселке. Сказал, что это временное пристанище путешественников. То, что здесь никто не жил видно было по высокому царству конопли, в котором Марго с Наташей прятались, а после чесались от пыльцы, прилипшей к телу. Но мама купала их постоянно в ржавом корыте. Благо воды был целый колодезь. Мама доставала его таким смешным способом, скрипела тяжелой ручкой наматывая цепь на деревянный барабан. В ведре плескалась мутная жижа с белыми лохмотьями. Конечно, ставропольская земля была полна нитратов. Но мама бросала в нее активированный уголь, процеживала, давала девочкам выпить. Либо кипятила на старинной печке во дворе. Но девочек больше смущал покосившийся туалет на улице. Наташа сказала, что никогда не войдет в эту ведьмину избушку, не расстанется со своим пластмассовым горшком. Марго напротив удивленно заглядывала в щели этого убежища,

представляла новую сказку, которая ей еще больше нравилась. Особенно когда на крышу с грохотом падал очередной орех. Марго вздрагивала, веником угрожающе стучала в потолок ведьминой избушки.

Дачный домик был немного больше туалета. Но в маленькой комнате стояли по бокам два старых провисших дивана. На одном спали девочки, на другом – родители. Валентина Ивановна постоянно вытирала слезы, когда искала в заросших грядках что –нибудь съестное. Даже нашла два полусгнивших помидора, сделала салат. На юге все еще светило, даже грело солнце, казалось это не осень, а жаркое лето.

«Бабье лето», – говорила мама, а Марго думала, что оно так называется, потому что теплое и мягкое, как снежная баба.

Кроме снежной бабы Марго других бабушек не знала. У девочек их никогда не было. Папа и мама были из детского дома. Откуда ей было знать, что бабье лето и снежная баба разные вещи. Но она всему находила свое детское объяснение, была довольна всем. Как так получилось, что дети одних родителей совершенно разными получились? Наташа напротив во всем видела только плохое. Своими детскими мыслями разжигала зло.

– Мама, этот куст меня укусил! – кричала Наташа, показывая на крапиву.

Мама быстро бежала на помощь старшей дочери, с криком наказывала этот куст, выдергивая его с корнем. А затем

эта крапива оказывалась в супе, который семья с удовольствием ела.

Странно было то, что в заброшенном поселке вообще никто не появлялся. Глупо было изначально строить дачи на склоне, который постоянно оползал вместе с глиной после сильных дождей. Кое – где деревья корнями цеплялись за жизнь. От этого криво росли в бок, наклонившись к земле. Но плоды на этих деревьях все равно имелись. Хотя искорененные смешные яблоки были самыми сладкими в их жизни. Орехи тоже удивляли. Столько орехов они никогда не видели. Мама заставляла девочек собирать эти черные камни, уверяя их, что это орехи. Они были невзрачные, немного исковерканные, казались несъедобными. Но когда мама их разбивала, то девочки узнавали любимое лакомство, которое мама в Мурманске покупала на рынке.

Папа все чаще отлучался из дома. Девочки понимали, что игра в путешествие затянулась. Мама постоянно всхлипывала по ночам, когда его не было. На вопросы, где папа, она говорила дочкам, что он работает, денежки получит, купит еду, игрушки. Но папа все реже приносил поесть. В основном, мама ходила по дачам, копала картофель, сушила его тут же во дворе, жарила вкуснейшее блюдо с корочкой, иногда варила даже с кожурой, говорила, что там витамины.

То ли от витаминов, то ли от солнца, но девочки стали худыми и черными.

Наступил октябрь. Все чаще хмурые тучи ходили над дач-

ным поселком, все ниже опускаясь к домику. Марго проснулась ночью оттого что голове стало холодно, волосы намочили, с крыши лилась вода прямо в кровать.

– Мама, домик тоже плачет! – закричала Марго.

Валентина Ивановна зажгла свечу, благо муж купил их целую упаковку, подставила ржавое ведро под струю, стекающую водопадом, быстро переложила девочек на свой диван. Папы как всегда не было. Марго с Наташей с ужасом смотрели на потоп. А мама почему – то стала читать Молитву «Отче наш». Дождь неожиданно прекратился.

– Мама, я тоже хочу выучить эти стихи! – воскликнула Марго.

– Обязательно мы с вами их выучим, – заулыбалась Валентина Ивановна.

Она укрыла одеялом девочек, поцеловала их, хотела погасить свечу, но услышала нервный дребезжащий стук по стеклу.

– Кто там? – спросила она испуганно.

– Не бойтесь, не родственники! – раздался грубый мужской голос за дверью.

Глава 4

Валентина Ивановна испуганно натянула оренбургский платок, робко подошла к двери. Тридцатилетняя худенькая женщина маленького роста схватила кочергу, замахнулась, тихо спросила: «Отзовитесь, кто вы?».

– Человек, – раздался раскатистый смех на улице.

– Я не открою, подожду мужа, он сейчас придет, – взволнованно произнесла Валентина.

– А почему ваш муж должен прийти сюда, на мою дачу? – удивился мужчина, – открывайте немедленно!

Марго с Наташей переглянулись, быстро спрятались под одеяло. Они ничего до конца не понимали, может быть много болтали, теперь их выселят с Южного полюса. А может это разбойник рвется к ним в дом, хочет съесть их. Валентина Ивановна поставила кочергу в угол, открыла дверь, выставляя вперед свечу на вытянутой руке.

Лицо мужчины осветилось мгновенно. Он был очень красив. Несмотря на свой возраст. Ему было далеко за сорок. Григорий выглядел стройным могучим молодцом с горящими карими глазами. Настоящий казак – хозяин. Очень высокий, статный, подтянутый. Мужчина наклонился ниже, чтобы войти в дом, который сам строил из подручных средств, удивленно рассматривал похитителей добра, пусть заброшенного, но все же собственность. После смерти жены на да-

че ни разу не был, слишком много воспоминаний. Сегодня охотясь на сезонного зайца промок, решил переночевать у себя на даче, никак не ожидал увидеть целое царство красавиц.

Из-под одеяла выглядывали два любопытных глаза Марго. Она рассматривала богатыря с убитым зайцем в руках, с ружьем и рюкзаком на плече, думала, опять находится в сказке «Алиса в стране чудес!», только зайца почему – то прикончили.

– Мир дому моему! – произнес Григорий Фомич громко. – А почему вы здесь, да еще с детьми?

– Мы беженцы из Карабаха, – соврала Валентина, краснея. – муж ищет жилье, пороги оббивает, чтобы прописаться. Извините, что без спросу заняли вашу дачу, думали, заброшенная.

Григорий Фомич сурово глянул на ржавое ведро, остатки воды, капающие с крыши, снял дождевик, бросил в угол. По – хозяйски заглянул под диван, вытащил оттуда топор. Валентина сжалась, закрыла собой детей.

– Не трогайте их! – закричала она. – Мы сейчас уйдем!

Григорий Фомич тяжело вздохнул, злым взглядом проверлил ее, молча вышел.

Валентина услышала стук топора во дворе, еще больше сжалась, обняла девочек, прижала к себе. Куда идти ночью? Как без Васи? Он, наверное, вагоны разгружает, придет, а нас нет. Она притихла, услышала какой – то шорох на кры-

ше, затем стук, опять шорох и стук. Вода потихоньку перестала капать. На потолке одиноко задержалась слеза от дождя, хрустальным блеском играла от свечи. Девочки тоже засмотрелись на эту последнюю каплю.

– Ну пока так! – вздохнул Григорий Фомич. – Дырку рубероидом закрыл на время, приколотил, чтобы ветром не унесло. Будет сухо, покрою шифером. Что ж вы мокроту разводите? Да, еще вот что, хозяйка, я шкуру снял с зайца, разделал. Можешь завтра приготовить его детям, умеешь хоть?

– Да, смогу, – закивала Валентина.

– Только подольше вари, хоть русак молодой, на всякий случай не помешает, – вздохнул мужчина. – Меня Григорий зовут. Живите сколько хотите на даче, я не против.

– Спасибо большое, – вытирая слезы произнесла молодая женщина, выглядевшая старше своих лет от вновь появившихся морщин, – меня Валя.

Из – под одеяла выглянула Марго, улыбнулась новому другу, помахала ему рукой, подзывая.

Григорий Фомич подошел, наклонился, услышал шепот: «А меня Маргарита, но для друзей Марго, зови меня так».

Григорий Фомич улыбнулся, потрепал белокурые кудряшки, кивнул. А Марго продолжала знакомство: «А это моя старшая сестра Наташа, —открывая одеяло добавила она, — но она спит».

– Ничего я не сплю! – возмутилась Наташа, протирая глаза.

– Рад знакомству! – пробасил Григорий Фомич, – зовите меня дядя Гриша.

Дождь затарабанил по крыше вновь, но вода уже не бежала фонтаном из дырки. При дяде Грише как – то стало сразу теплее. Хотя он ничего не говорил, перевернул матрац на другую сторону, прощупал мокрое место, достал кусок целлофана с антресоли над дверью, накрыл им диван. Затем взял рюкзак, достал оттуда две банки тушенки, хлеб. Открыл железное сокровище, запах чесночной приправы разнесся по даче. Григорий нарезал крупными ломтями хлеб, густо намазал сверху мясистую роскошь, из которой торчал лавровый лист, аккуратно положил на постеленную газету четыре тушеночных бутерброда, налил горячего чая из термоса, улыбнулся и спросил: «А вы, девочки, после шести едите или фигуру держите?»

– Нет, мы не держим! – закричала Марго, и первая подбежала к столу.

Наташа нехотя поплелась следом, захватив с собой теплое одеяло, как царскую накидку, горящими глазами смотрела на густо – намазанный бутерброд. Валентина проглотила слюну тоже, улыбнулась Григорию Фомичу села на краешек табуретки рядом с ним.

Ничего вкуснее она в своей жизни не ела. Мягкая сочная говядина обжигала горло новой силой жизни. Валентина даже себе не признавалась, что голодала все эти дни. Денег не было, муж на даче не появлялся, она не могла уйти, не оста-

вит же девочек одних в этом запустении. А чай у Григория какой вкусный, сладкий с ароматными нотками лимона, чабреца, разнотравья она на севере не пробовала такой никогда.

– Я еще травы разные собираю, люблю это дело, хобби! – делился Григорий Фомич. – Как –нибудь приглашу вас с собой на Стрижамент. Есть такая достопримечательность у нас.

Валентина пила чай медленно, закрывая от удовольствия глаза, она почти засыпала рядом с этим сильным мужчиной. Ей казалось, что она вновь маленькая беззащитная девочка, а с нею рядом отец, который погиб в авиакатастрофе вместе с мамой. После той трагедии многих детей отправили в детский дом. Именно там она познакомилась с Васей. В Оренбурге, вернее в области, в поселке Партизанском у них никого не осталось. Они подростками держались вместе, затем получили жилье, женились, расширили жилплощадь. Валя вместе с ним приехала в Питер учиться. Он на штурмана. Она – на лаборанта по химическим анализам. Но не окончила. Мужа распределили в Мурманск. Она практически не работала, сразу родила девочек – погодок, ждала Васю с моря. А затем начался ад! Эти рыбные кооперативы, побег, вся жизнь брошена в мясорубку судьбы. Она не знала, как жить без Васи? В детском доме не научили. Все решал муж. Она была мужнина жена, терпела его крики, угрозы, пьяные дебоши, накрывала столы гостям, которые очень часто меня-

лись. Она думала, так и должно быть. Он же добытчик. А это связи, как говорил он. Валентина даже не задавала ему вопросы, где он бывает, почему от него пахнет дорогими духами, так должно быть. Муж наращивает связи. Она верила ему каждой клеткой своего тела. Знала точно, семья – это главное! А муж – это семья и есть!

– Что задумалась, красавица, чай не понравился? – спросил Григорий Фомич у Валентины.

– Нет, что вы, спасибо большое! Я для мужа оставила, чтобы попробовал. Он такой чай сроду не пил, – улыбнулась она.

– У меня еще банка тушенки есть, оставлю, это наша, ставропольская. Такого мяса больше нигде нет!

Григорий Фомич поднялся, приоткрыл шторку на окне, светало, дождь прекратился.

– Ну мне пора, кролик в ведре лежит, я его немного опустил в колодец к холодной воде поближе, заглушку на цепи поставил, будешь доставать, отстегнешь, смотри, аккуратней, не утопи добычу. Мужу привет!

Григорий Фомич вышел все так же наклонившись, закинув рюкзак на плечо, двустволку взял в руку, подмигнул Марго, улыбнулся.

– Ма, а дядя Гриша еще придет? – грустно спросила Марго.

– Не знаю, – вздохнула мама, убирая со стола. Она смахнула со стола крошки в руку, проглотила их, запивая чаем.

На весь дачный участок расплзался запах зайчатины с

луком, который девочки нашли на соседней даче. Печка во дворе дышала жаром. День выдался солнечным. Будто не было холодного октябрьского дождя ночью. Заяц был жирненький, набравший соку за летние урожаи, мясо шкворчало так, что слюньки сами собой проглатывались вместе с запахом. Девочки никогда не ели зайчатину.

«Как все – таки хорошо жить в деревне. Мясо бегаёт под ногами, лук, яблоки, печка на улице, – думала Марго. – А какое красивое ласковое солнце».

Осеннее солнце действительно было нежнее летнего жгучего. Валентина подставила лицо ласковым лучам, скрестив руки, улыбалась, вспоминая вчерашнего гостя.

К дому подъехала грузовая машина с шифером. Григорий Фомич кивнул Валентине, тут же по – хозяйски снял привезенное добро. Затем аккуратно сложил его стопкой во дворе, так же улыбаясь кивнул и уехал. Валентина даже не успела пригласить гостя к обеду. Марго подбежала к маме, удивленно посмотрела на эту серую волнистую грудку.

– Что это? – спросила она.

– Крыша, дядя Гриша привез.

– Какой дядя Гриша? – возмущенно раздалось за спиной.

Валентина оглянулась, увидела мужа в красивом белом костюме и галстукe. Она бросилась его обнимать. Но он аккуратно отодвинул ее в сторону, сурово глянул и повторил: «Какой Гриша? Я вам сказал, чтобы отсюда не высывались?»

Марго радостно обняла ногу папы, поцеловала его белый костюм, крича на всю дачу: «Ура! папа с работы пришел! Я так тебя люблю, что так долго?». Но Василий Федорович брезгливо отцепил детские ручонки от белоснежных брюк, отряхнулся, вопросительно зло глянул на жену: «Что молчишь?».

– Вася, мы не высовывались. Ночью был дождь, пришел хозяин дачи, мы сказали, как ты учил, что из Карабаха бежали, – взволнованно объясняла Валя. Но понимала, что эти слова мужа не успокаивают. Он глянул свысока на нее, перевел взгляд на лаковые ботинки, улыбнулся и вновь зло глянул на нее.

– Значит так, Валя, я пришел попрощаться. Теперь у нас с тобой разные пути. Я встретил другую женщину, полюбил, – не глядя на жену, произнес Василий Федорович Поделкин. – Вот документы на детей, твой паспорт, – протянул он файл-ловку. – Говори всем, что ты из Карабаха, в паспорте стоит карабахская прописка, я все уладил, летал туда к друзьям. Так что вам должны дать статус беженцев. Прощай.

Василий Федорович развернулся, быстрой походкой уходил от Вали навсегда.

Она стояла, не понимала, что он такое говорит, какая прописка, какая другая женщина, какой Карабах.

– Вася, а как же обед? У нас сегодня зайчатина, – крикнула Валя вслед мужу.

Марго стояла рядом, все слышала, побежала за Наташей,

на ходу вытирая слезы. Она рыдала, всхлипывала заикаясь: «Друзей не бросают, друзей не бросают, друзей не бросают!».

Наташа услышала крики, выглянула из соседней дачи.

– Что ревешь? – грубо спросила она.

– Нас папа бросил! – плакала Марго. – Сказал у меня другая есть.

– Что ты несешь? – закричала на младшую сестру Наташа и побежала в след уходящего белого костюма, который на ходу махнул рукой, остановил такси, уехал.

Марго упала на землю, царапала маленькими коготками подсохшую глину, оставляя борозды кричащей души во дворе, била кулачками так сильно, что утрамбовала огромный кусок вокруг себя, забивая в него боль, которая сделала ее взрослой.

Наташа молча стояла возле Марго, сжав посиневшие кулаки, смотрела в одну точку, где только что находился белый костюм. Огонь злости в этот момент сжег всю вселенную вместе с отцом.

Глава 5

– Гришку убили! – кричала соседка по лестничной площадке, показывая на уезжающую машину скорой помощи.

– Что ты мелешь? – спрашивали собравшиеся зеваки во дворе. – Откуда знаешь, что убили?

– Я его первая нашла. Смотрю дверь открыта, заглядываю лежит в лужи крови. Я сразу милицию и скорую вызвала.

Народ вздыхал, Григория Фомича любили все. Самый безобидный мужик города Ставрополя. Всегда поздороваешься, никогда грубого слова не скажет. За что же его так? Ведь крепкий мужик был. Работал на заводе Поршневых колец наладчиком. Станок закрхтит, закашляет, он уже рядом, Его ценили на работе, дали двухкомнатную квартиру на улице Жукова. Как раз напротив Дома пионеров. Григорий часто на балконе смотрел, как детские ручейки стекались на занятия в этот океан творчества. В окно видел, как танцуют, поют, рисуют. За сыном очень скучал. Говорят, непутевый был, из тюрьмы не выходил, жинка от этого покинула Гришу рано, переживала за урода сына. Григорий Фомич после нее вообще ни на одну женщину не глянул, десять лет так и прожил один. Видно жена к себе забрала, соскучилась. Конечно, этот головорез новую квартиру отца даже не видел. Он же с ними в коммуналке жил на Карла Маркса в старом пошатнувшемся доме, который под снос был определен.

– Помните, еще история эта произошла, что масонский это дом, – напомнила сочувствующая соседка. – На нем еще виноградная лоза была слеплена и орех. Это ж их знак. Масоны всегда так дома помечают. Еще клад в том доме нашли, когда ломали? Вот сынок бы его удивился, что папаша на золоте жил, да не знал. Гриша всегда мечтал, чтобы сын увидел, как теперь он живет в новой квартире: и ванная, и туалет, удобства все, радоваться такой роскоши можно. А он по тюрьмам.

Судачили соседки во дворе еще долго, вспоминали, какой хороший человек был Григорий Фомич. Теперь, наверное, квартира государству уйдет.

Незадолго до этих событий, Василий Федорович Паделкин столкнулся с Григорием Фомичев на стадионе. Нет, они не ходили смотреть футбол, пить пиво. Стадион превратился в рынок в городе Ставрополе. Там продавали все: от дешевых гвоздей до норковой шубы. Григорий Фомич пришел купить крепежи для новой крыши. Он же обещал худенькой Валентине шифером дачу накрыть. Слово было у него мужское прочное, как глыба. Никто не мог это слово сдвинуть. Если Гриша сказал, намертво заколотил. Все держалось на этом простом русском слове. Раньше мужик мужика не уважал, если тот слово не держал. А сейчас слова летают как рой мух, садятся, падают, вылетают, прилипают, никто не за что не отвечает. Одна пустая болтовня. Соревнуются мужики с бабами, кто больше слов произнесет, они ведь ничего не зна-

чат, пустые безмозглые буквы, просто стоящие рядом. Вот такие слова сейчас существуют – как пыль. Дунул и нет их.

Бабы горевали за Гришей, который всем помогал. Кому колонку починит, кому денег займет, кому старый овчинный тулуп подарит. Эх, настоящий русский мужик был. Не терпел несправедливости. Зачем он тронул этого пижона в белом костюме, замечание сделал, что тот без очереди лезет. А тот почему – то испугался, когда его увидел.

– Точно, этот тип в белом костюме и есть убийца! – закричала соседка. – Я с Гришей на стадионе была. Он как раз шел на рынок, я с ним прицепилась. Хотела лампу на телевизор купить, какую нужно, моя сдохла. А кто лучше Гришки в них разбирается? Он мне помог. А сам пошел гвозди покупать. Я еще тогда подумала, куда ему столько гвоздей? А этот бандюган в галстук, оттолкнул Григория Фомича, забрал последнюю коробку. Сами знаете все подряд гребут на этом рынке, не успеешь схватить. Ведь с утра пошли, уже пусто. Ну Гриша его по плечу похлопал, говорит: «В очередь встань!». Этот шальной обернулся и в цвет костюма стал, даже еще белее. Я еще думаю, не похож на нашего, со светлой рожей, лето прошло, а он не загорел. Этот белесый коробку уронил, гвозди фонтаном посыпались, развернулся и побежал, будто Гриша его ударил. А Григорий Фомич говорит, – где – то я его видел, не могу вспомнить? Так всю дорогу и шел, брови крест – накрест, вспоминал видно, кто это был. Меня вообще не слушал. Вот так и дошли. А тот видно вспомнил! –

ахнула соседка. – Точно, бабы, это он его убил!

Соседка говорила все это шепотом, будто вела расследование, оглянулась испуганно, затем посмотрела на раскрывших рот подружек и замолчала. Мало ли, может за эту догадку ее топором по голове тоже стукнут. Она резко замолчала, быстро развернулась и пошла прочь. Все подумали, в милицию побежала рассказывать про белесого. Но соседка закрылась в квартире на все замки, зачехлила все шторы. И подумала: «Болтать вредно, рогатые вокруг языка так и выются. В любой час могут прийти».

Григорий Фомич действительно вспоминал, где видел Василия Федоровича Паделкина. Конечно, он давно не брал в руки выпускной альбом сына. Именно там он видел этого парня. На общих фотографиях в морской форме с гюйсеком, они всегда стояли в обнимку – его Витюша и Васек. Два неразлучных друга. Один раз сын привозил его даже в гости. Тогда они еще жили на Карла Маркса. Давно это было.

Но теперь Григорию Фомичу не суждено было это вспомнить. Он первый раз в жизни не сдержал слово. А худенькая женщина Валентина с двумя дочками ждет, когда он починит крышу шифером.

После ухода мужа, Валентина сидела возле печки на земле молча, не слышала, как шипит вытекающая сытная заячья подливка, как ее тянут за руки плачущие дочери, как небо вновь затянулось низкими черными тучами. Как тяжелые крупные капли медленно падали на глиняную печь, остав-

ля темные пятна на побелке. Дождь начинал разбег, сначала редкие капли плюхались в кастрюлю, затем частота их падения увеличивалась и вот он косым линиями уже хлестал Валентину по лицу, приводя в чувство.

– Мама, пошли в дом, ты мокрая! – кричала Марго.

Наташа пыталась поднять маму со спины. Откуда – то взялись силы у девятилетнего ребенка она смогла оторвать худое тело от земли, Валентина подняла глаза к небу, оно плакало вместе с нею.

– Господи, помоги! – закричала молодая женщина, которая не знала, как прокормить детей, не знала, почему ее предал муж, не знала, что дальше делать? А ведь он предал не только ее, он предал этих крохотных человечков, часть себя. Как можно оставить без копейки их? Одних в чужом городе, на чужой даче.

Валентина посмотрела на Марго, оглянулась на Наташу, увидела повзрослевшие серьезные лица дочек. Она вздохнула, быстро поднялась, фартуком вытерла лицо, им же схватила кастрюлю с плиты, ласково произнесла:

– Девочки, никого не будем ждать, сядем обедать, такая вкуснятина получилась!

Марго переглянулась с Наташей, подмигнула ей и побежала открывать дверь.

На следующий день Валентина заплела девочкам косы, взяла норковую шубу, закрыла дачу, решила пойти в город вместе с девочками. Она была уверена, что Григорий Фо-

мич обязательно придет, поэтому оставила на столе записку: «Мы скоро будем!».

В город Ставрополь Валентина доехала на попутной машине, попросила подвезти без денег. Водитель глянул на детей, вздохнул, согласился доставить их поближе к рынку. Это был Нижний рынок. Крытая полукруглая громада с продуктовыми рядами. Вокруг здания расположились лоточники со своим тряпьем, мелочники со своими железьяками. Валентина стала возле лоточников.

– Шуба норковая новая! – тихо говорила она, глядя в пол.

– Красавица, дай погадаю, что было, что будет, что тебя ждет! – произнесла ласково наглая цыганка, рассматривая шубу. – Вижу, счастливая ты!

Валентина вздохнула, удивленно посмотрела на цыганку. Та улыбнулась и добавила: «Будешь, будешь скоро счастливая! Красивый принц за тобой едет, озолотит, если поможешь моему больному ребенку!».

Валентина с жалостью посмотрела на цыганку, пожала плечами. Конечно, все отдала бы на лечение ее чаду. Но у самой ничего нет.

– Я дам на лечение, если шубу продам, – пообещала Валентина.

– Кума, как тебя зовут? – поинтересовалась цыганка.

– Валя.

– Меня Мария. Вижу муж тебя бросил с двумя ангелочками, – сочувствовала цыганка, – горемыки мы с тобой обе.

Меня тоже. Но у меня их четверо.

Валентина грустно посмотрела на новую подругу, в ее черные без зрачков глаза и спросила.

– Четверо?

– Да! Будь он проклят! С русской сбежал! Я их весь род прокляла до самого последнего колена!

Цыганка посмотрела на Валентину оценивающе, будто покупала лошадь, чуть ли не заглянула в рот, чтобы увидеть зубы, улыбнувшись всеми золотыми. К ним подбежал цыганчонок пяти лет, схватился за шубу, стал трясти.

– Тетенька, дай на хлебушек, три дня не ел! – запричитал пацан.

– Карде бул! – закричала цыганка, и толкнула мальчика в плечо. – Это мой сынок, младшенький. Три девки еще у меня. Старшей тринадцать, замуж недавно отдала.

– Поздравляю, – улыбнулась Валентина.

Марго посмотрела на мальчика, протянула ему орех, она подобрала его, когда машину ловили. В лесополосах везде росли орехи возле дороги.

– На, возьми, – улыбнулась Марго.

Цыганчонок выхватил у нее орех, бросил его в лицо ей.

Цыганка схватила его за ухо, выкрутила так, что он головой потянулся к небу, стиснув зубы, косился на Марго.

– Ему же больно! – заступилась за него Марго.

– Нихай привыкает, он же мужик! – засмеялась цыганка, – и глянув на Валентину посоветовала, чтобы шубу на себя на-

дела, быстрее продаст.

Валентина накинула на плечо шубу, не успела поправить, как цыганка схватила шубу и помчалась с нею в сторону цирка, цыганчонок толкнул Марго, бросился вслед за матерью.

Наташа и Марго смотрели на маму, которая догоняла цыган, но тех уже не было видно. Они завернули за угол. Валентина крутилась во все стороны, не знала куда дальше бежать. Наташа крепко схватилась за пакет. В нем были документы. Хорошо, что этот пацан у нее их не выхватил. Марго не понимала, почему новые друзья так себя ведут? Почему такие злые? Мама шла с опущенной головой. Лоточники между собой переговаривались, показывали рукой на Валентину, крутили пальцем у виска. Возмущались ее доверчивостью.

– Разве можно с ними разговаривать, они же все с гипнозом работают, – поучали ее продавцы. – Очень легкомысленно вы поступили! Гнать их нужно было, а не сюсюкаться с ними.

– Если бы мама их догнала, побила бы точно! Она умеет драться! – заступалась за маму Марго. – Ничего я вырасту, найду их!

Мама взяла пакет у Наташи. Хотя та с трудом его отдала, вцепилась в него так сильно, что мама едва разжала пальцы. Валентина увидела милиционера, подошла к нему, спросила, куда обращаться, если кража? Рассказала про цыганку. Он, зевая, показал рукой вперед, где было отделение мили-

ции. Но добавил: «Вы ничего им не сделаете, время потеряете. Цыгане народ вольный. Скорее всего, заезжие гастролеры уже по полям ушли в другой город».

Валентина в милицию решила не ходить, узнала у торговщицы, куда идти, чтобы прописаться, ей сказали, что нужно с документами обращаться в паспортный стол. Благо он был недалеко. Марго с Наташей доели из пакета последние яблоки. Откусывали понемногу, будто хотели продлить съестной запас подольше.

Валентина заняла очередь в паспортный стол. Хоть здесь успела. Ей сказали, чтобы за нею никто больше не занимал, не смогут принять. А ей нужно быстрее устраиваться на работу, она понимала это. На работу без прописки не брали. Она решила узнать, как оформить статус беженцев, что делать дальше, где прописаться.

«На даче Григорий может быть пропишет? – думала Валентина, стоя в очереди, – хоть бы дождался нас, скоро придем».

Валентине почему – то становилось спокойнее, когда она про него думала. Она старалась чаще вспоминать его. Но когда подошла очередь, охранники посмотрели на паспорт удивленно.

– Что это, Кузнецова? – спросил один из них вызывающе.

– Паспорт! – опуская глаза произнесла Валентина.

– Вижу, что паспорт. Подделка чистой воды. Смотри, печать яйцом переведенная, видишь, – размыта по краям. А

нас предупреждали, что сейчас этих мошенников, под беженцев косящих, полный город.

Охранник зло посмотрел на Валентину, затем на Марго и Наташу, повернулся к другому охраннику, засмеялся: «Не пойму, немчура что ли?»

– Нет, цыганча! – ответил другой.

– Да брось ты, немчура, видишь, белобрысые!

– Черные какие, смотри! Точно цыгане! – рассматривая Марго и Наташу, произнес второй, – просто волосы выгорели!

За два месяца пребывания на юге, девочки действительно загорели, бегали в трусах целыми днями на даче. Ничего удивительного, что с такой необычной внешностью северных народов они стали похожи на местных колоритных кочевников, которые давно облюбовали юг.

– Давай, задерживай их с поддельными документами! – уверенно произнес первый охранник.

– Детей жалко, баба худющая, еле стоит, давай отпустим, – предложил другой.

Он наклонился к Валентине поближе, внимательно посмотрел ей в глаза.

– Слушай, подруга, забирай свой фальшивый документ, и чтобы мы тебя здесь больше не видели, поняла? – шепнул он и протянул Валентине паспорт.

Валентина бросила его в пакет, схватила за руки дочек и быстрым шагом отправилась к автобусной остановке. Долго

уговаривала водителя, чтобы подбросил до дачного поселка. Обещала деньги занести позже. Он согласился, детей пожалел. Марго смотрела, улыбаясь, на бегущие наперегонки с нею поля за окном, на пожелтевшие деревья, на громких пассажиров, которые говорили на непонятном ей языке.

– Какой армян? – кричал один на другого. – Не армян, а армянин, понял.

– Ты еще скажи, ара, что карачанин, черкессин, азербайджанин надо говорить? – спорил другой громко.

Сквозь шум голосов Валентина услышала: «Дачный поселок, мамаша с детьми, выходи!».

Марго подпрыгивая бежала домой. Там ждал ее вкусный обед из зайчатины! Наташа как всегда молча держалась за ручку маминого пакета, глядя себе под ноги.

Глава 6

Виктор Мурманский лежал в огромной ванне в бывшей Валиной квартире в городе Мурманске вместе с очередной любовницей, укрывшись пенным покрывалом. Он еще не знал, что случилось с отцом, никогда не интересовался им, будто забыл, что есть отчий дом, который всегда ждет его.

Девушка, плескавшаяся в ванной, еще не знала, что через час будет лежать в мусорном баке со свернутой головой. Жестокость, с которой Барон расправлялся с девушками свободного поведения, приводила подельников в ступор. Они не понимали, что он испытывает, когда выбрасывает очередную жертву, как использованный презерватив. Откуда у единственного сына в семье, любимца матери, что с пеленок готовила его к радости жизни, мечтала, увидеть капитаном дальнего плавания, считала лучшим сыном человечества, окажется такое звериное нутро, никто не знал. Мать тем более не подозревала, что он плавает в океане крови. Он был для нее всегда жертвой. Его бросила девица, первая любовь сразу на выпускном вечере, предпочла другого юношу, но это же не повод, чтобы убивать всех на нее похожих женщин?

Чернявая красавица с длинной косой и ярко – накрашенными губами, казачка Дуся была его первой женщиной. Сладость первого поцелуя, первых ласк, первого ощущения по-

лета, он не забудет никогда. Конечно, мечтает повторить все это вновь. Но разочаровывается, под хмельным допингом не понимает, что не так и отправляет доставленных ему красоток в другой мир.

Поставщики девиц подбирают их на вокзалах, в кабаках, на блат – хатах по фотографии. Все знают вкус хозяина, его развлечение на одну ночь.

Лежа в пенном царстве, заливая страсть бутылкой виски, Барон опять увидел в красотке Дусю. Глаза помутнели, все происходило, как всегда быстро, хруст шеи и повисшая голова набок.

«Как не кстати, опять ее вспомнил, сколько ж ты будешь плодиться, Дуся? Я же сегодня последний день в Мурманске, нужно срочно бежать. Благо сына и Людмилу, тупую блондинку – наложницу, отправил в Италию, пусть приоденутся, отдохнут», – брезгливо ополаскивал руки Виктор Мурманский.

Про то что он теперь живет в квартире Паделкина никто не знает, ищут на Достоевского. А может быть на Бочкова? У него много нор, где они могут его искать. Завтра он уже будет в Питере. Пора валить к братве. Они приготовили ему шикарную квартиру на седьмой линии Васильевского острова. В Мурманске, как всегда, тесно, город маленький, не развернуться.

Кстати, хорошо было бы вспомнить родительский дом, как в той песне, да некогда. Нужно экономику страны под-

нимать, самое время. Питер стал экспортно – импортной перевалочной базой. Морской холдинг «Виктор и партнеры» требует руководителя. Кто ж лучше него возглавит дело, которое, он создал? Откуда взялся этот гад, прицепился к нему в ресторане. Кто ж знал, что он начальник РУВД или ГУВД. Морда у них ничем не отличается от его халдеев, не разобрал, рамсы попутал, что ж такое тоже бывает. Придется закутаться в кокон, оттуда расплетать криминальные нити во все концы огромной бандитской страны.

Виктор глянул на плавающее лицом вниз тело девушки с распущенными черными волосами, брезгливо оглядел разбросанные вещи. Взял полотенце, обвязал вокруг пояса, так и появился с бутылкой виски в зале. Шестерка смотрел телевизор, развалившись на кожаном французском гарнитуре, увидев Виктора, вскочил, как военный, даже пятками щелкнул.

– Машина у подъезда!

– Хорошо, приберись там! – подойдя к окну, процедил Барон.

За окном красиво падал снег, искрясь, брызгами шампанского. Фонари ловили прожектором остервенелую бело – желтую пыль, непонятно было то ли они всасывают ее, то ли выдувают. Площадь «Пять углов» тихо стонала под порывами северного ветра, охала разъяренно, подметая проспект до самой библиотеки.

«Надо же Руслану понравилась квартира из – за этих

пыльных книг, которые хранятся там, – улыбнулся Барон. – Сын взял столько макулатуры, похоже Италию некогда будет увидеть, перечитывать будет «Войну и мир» уже в сотый раз, именно столько Толстой этот роман правил. Эх, сынок, не приведет тебя чтение романов в криминальный мир, кому все мое богатство достанется? – вздохнул Виктор, рассматривая темное бархатное полотно над фонарями. Я думаю, мурманское небо – это и есть черный квадрат Малевича. Был списан с него точно! С этого северного неба, за которым я буду скучать».

Было действительно что – то необыкновенно – спокойное в этом мурманском небе. Мурманск – целая планета задумчивой вечности. Казалось, здесь не живут люди, спят, замерзли навсегда. Черный квадрат везде! Выключи свет и нет города. Один черный квадрат. Осень и белый крутящийся столп фонаря. А завтра вновь получасовой рассвет и черный квадрат Малевича.

«В какой момент я полюбил этот город? – вспоминал Виктор. – Ведь полюбил больше Питера. Уезжать не хочется. Наверное, когда после первой ходки остался здесь? Глоток свободы полюбил! А Ставрополь – глоток жизни, который вкусил при появлении на свет. Ставрополь? Давно там не был. Нужно смотаться, повидать отца. Могу не успеть, как и мать. Ладно, Руслан вернется из Италии, познакомлю его с дедом!».

В Ставрополе Василий Паделкин никак не ожидал встре-

титься на рынке с отцом Виктора. Столько лет прошло. Может не вспомнил?

– Григорий Фомич вообще не изменился, – делился он с Дусей, – представляешь лоб в лоб столкнулся на стадионе!

– Я его с выпускного не видела. Он тогда сильно на меня разозлился, увидел меня с Федюркиным. Был еще один балбес у нас в классе, – засмеялась Евдокия, закидывая косу вокруг головы, впивая в нее шпильки.

Она спускалась в новом коттедже со второго этажа по белоснежной лестнице с закругленными балясинами. Черные глаза искрились смехом, глядя на белоснежный костюм Василия Федоровича. Конечно, как она могла не влюбиться тогда в белый парадный костюм, в белые перчатки морячка, которого привез с собой в гости Витька. Она, только глянула на него, сразу поняла, что ни Витька, ни балбес Федюркин не были ее первой любовью. Вот оно первое и настоящее чувство! Вася Паделкин!

Затем были письма до востребования, телефонные переговоры, редкие встречи в санатории «Заполярье». Именно этот санаторий они облюбовали для своих любовных встреч. Их устраивало, что круглый год бассейн с морской водой. Ухоженные аллеи рододендронов, по которым гуляли космонавты, и ни одного знакомого лица. Их встречи от рейсов к рейсу, в которые Василий Паделкин якобы ходил часто, были хорошо запланированы. Штурманам разрешали поговорить по телефону с любимыми, умеющими ждать.

Это совершенно не относилось к легкомысленной Евдокии Петровне. Она столько партнеров поменяла, что забыла их лица. Помнила тех, у кого были деньги. Но деньги быстро обесценивались, как ее любовь. Тогда вход шла власть, поэтому она стала работать директором универсама. Приватизировала его каким – то образом. Стала владелицей первой по величине торговой точки, пустила в аренду торговшей со своим турецким товаром, собирали с них мзду. Все говорили, что у нее покровитель из Москвы. Кто он никто не знал. И вдруг этот покровитель появился в белом костюме, возил на мэрсе, открывал дверь, когда выходила. Детей у нее не было. Аборты не проходят бесследно. Еще девчонкой сделала первый в десятом классе. Отцом был Виктор Мурманский. С тех пор Дуся ненавидела всех детей и тех, у кого они были.

– Ну что твоя с щенятами жива еще? – брезгливо передергивала плечами Дуся, поправляя шпильку.

– Куда денется? Пусть работает на благо российской экономики. Это ты у меня умница, дело свое есть. А Валька всю жизнь на моей шее. Хватит, скинул ярмо.

– Правильно, жить нужно с теми, кого любишь! Ты же меня любишь, Василий?

– Больше жизни! Как в первый раз увидел, пропал.

– Витька не знает про нас?

– Даже не догадывается. Лихо ты все придумала, поздравалась, а в руке записка застряла, адрес твой до сих пор

ПОМНЮ.

– Я же тебя пожалела, глупого, подумала такой молодой, уже женатый. Я страсть как женатых люблю! – засмеялась Дуся, хватая его за галстук. – Это мое хобби, мужей из семьи уводить.

Василий Федорович улыбнулся натянуто шутке, привык к выходкам любимой. Он был в ней уверен, ведь столько лет ждала. Он специально привез семью в Ставрополь, как прикрытие, чтобы уйти к ней. Куда же он мог бежать от Барона, как не на его родину. Этот хитрый ход Дуся ему подсказала.

– Барон никогда не догадается, где ты скрывается, поверь мне! – смеялась Евдокия.

Действительно после того, как Дусю едва откачали в больнице, Виктор Мурманский был уверен, что убил ее. Так сообщила мать. Она не любила выскочку Дусю из неблагополучной семьи. Отца у нее никогда не было, мать работала на железной дороге, жили на Вокзальной улице в коммуналке. Конечно, Вите не пара.

Но они продолжали сидеть в аллее напротив их дома каждый вечер, целовались. Когда на выпускном она с отцом застучала ее с Федюркиным в страстном поцелуе, за косы утащил в ту же аллею, пообещал, если увидит с сыном, убьет.

На следующий день Виктор уехал в Питер поступать в мореходку. Когда с другом приехал на каникулы, узнал, что Дуська живет с каким – то председателем то ли колхоза, то ли садоводческого кооператива, разбираться не стал. Подстерег

возле ресторана «Нива», за косу потащил в парк рядом с театром, бил так сильно по голове, по лицу, месиво оставил, не узнать было, затем толкнул на скамейку, она о железную ножку головой сильно ударилась, кровь из дырки хлынула фонтаном, свисток милиционера, он за памятник спрятался, видел, как скорую вызывали, как простыней накрыли, как убитой назвали. А дальше, как во сне, мать в слезы, сходила по его просьбе на Вокзальную. Ее с криками выгнали, сообщили, что Дусю убили, что она мать убийцы! Виктор тогда бежал из города, больше в Ставрополь не вернулся, занялся фарцовкой, сел в тюрьму, а на Дусю зол был, что шлюхой оказалась. Из – за этого на весь женский род обиделся, измены простить не мог.

Но Василий Паделкин был намного сообразительней, написал «убиенной» любовное письмо, получил ответ до востребования, ничего другу не сказал. Пригласил Дусю в Питер. Она приехала тайно, в лучшем номере гостиницы «Англетер» кувыркалась с ним под носом у Витьки, когда тот в гостинице джинсы продавал. Они смеялись над убийцей, адреналин кровь подогревал. С одной стороны, – дура Валька, с другой – Витька Мурманский.

ВЫЖИТЬ

Глава 7

А дура Валька пыталась устроиться в Ставрополе на работу. Она просила разрешить ей мыть полы в офисах, магазинах, туалетах. Без рекомендаций никто эту должность давать не хотел, воровство процветало в кругах блюстителей чистоты. Никому не хотелось судиться. Да что с них снимешь, в случае чего. На ней даже золото не было, все сдала в ломбард, чтоб детей прокормить, сразу видно. Стоят, глазищами голодными зыркают. Эти точно упрут. Так думали все работодатели.

Валентина действительно сдала в ломбард все побрякушки, сказали очень ценные: крест с сапфирами, серьги бантиком с тем же камнем, кольцо с изумрудом в окружении крупных бриллиантов, браслет. Это подарки мужа за рождение дочерей. Он так и сказал, – дочкам отдашь, когда вырастут, а пока носи. Деньги заканчивались быстрее, чем хотелось, на съемную квартиру не хватило, только на еду.

На рынке Валентина купила крупы, сахар, чай, чтобы как – то выжить втроем с дочками. Везде искала мужа. Не верила до конца, что так поступил с ними. Григорий Фомич почему – то не приходил тоже. Валентина первые недели ждала его очень, затем поняла, что шифер видимо для мужа при-

вез, чтобы тот починил, раз живет на даче. Марго успокаивала маму, говорила, что дядя Гриша на работе, скоро придет обязательно, тушенки, зайца принесет. Валентина плакала, силы покидали, она простудилась, очень сильно кашляла, переживала за дочек, что заразит.

Марго меняла повязки с уксусом со лба мамы. Старалась рассмешить ее, чтобы та быстрее выздоровела. Но жар предательски душил, лекарства нужны были срочно, это понимали все.

Марго отозвала Наташу в сторону, тихо произнесла: «Я пойду в город за лекарством, маме ничего не говори, соври, что в садах ищу орехи».

– Кто тебе лекарство без денег даст? – ухмылялась Наташа. – Или побираться будешь?

– Буду, если мама умрет!

Марго, хлопнув дверью, натянула на себя теплую кофту, оглянулась, что – то разыскивая во дворе, увидела ведро, тряпку, схватила их, уверенно зашагала в сторону города. Долго шла, казалось, за это время даже выросла, повыше стала. Улыбнулась этому наблюдению, поспешила быстрее к колонке с водой, которая виднелась у дороги. Она заметила ее, когда с мамой ехала в автобусе. Еще тогда решила, что это чудо цивилизации нужно изучить. Станный агрегат с рычагом, на который нужно навалиться, прижать к земле, выпустить из дракона огромную струю в ведро. Колонка располагалась рядом со светофором. Марго быстро придумала за-

работок. Пока машины стояли, сгибаясь тянула к ним ведро, начинала мыть всем машинам фары, при этом улыбалась счастливейшей улыбкой мошенницы.

Водители смеялись, высовывали в окно смятые бумажки, Марго их хватала, слала воздушный поцелуй, весело домывала вторую фару. Так она насобираала полные карманы мятых купюр. Счастливая побежала, размахивая ведром и тряпкой, в сторону видневшихся пятиэтажек. Когда подошла ближе, спросила у старушек, сидевших на скамейке, где аптека. Ей дружно показали, куда идти, но увидев ведро, поинтересовались для чего ей этот инвентарь.

– Полы иду мыть в аптеку! – гордо произнесла Марго.

– А нам помоешь? – предложили старушки.

– Десять рублей! – одарила их светом добродетели помощница.

– Ой, дорого! – запротестовали старушки.

– Тогда пять, – уверенно произнесла бизнесменша, которая как папа хотела иметь пароходы, но пока у нее было только ведро и тряпка.

– Годиться! – согласились одна из старушек.

– Только завтра, сегодня все занято! – важно подняла голову к небу Марго. – Какой адрес?

– Да вот этот дом, первый подъезд, третья квартира, – показала рукой на прогнивший подоконник заказчица услуги.

– Завтра буду! – помахала рукой Марго и побежала в аптеку.

Мятыми бумажками рассчитывалась она за аспирин, за зеленые таблетки от кашля, тетрациклин. Это все, что было в аптеке. Марго рассказала про симптомы маминой болезни, ей посоветовали горчичники и вышперечисленный набор. Марго все купила, заодно поинтересовалась, не помыть ли им полы? Фармацевт улыбнулась, похвалила девочку за работоспособность, но от услуг отказалась. Больно – то надо, у меня заказов хоть отбавляй. Они кочевряжатся, подумаешь, сами они моют. Ладно, побегу быстрее домой, маму нужно лечить.

Обратный путь пролетел мгновенно, она возвращалась на автобусе, как взрослая, оплатив проезд. Когда пришла на дачу, Наташа очень удивилась, увидев вывернутые карманы денег и лекарства для мамы. Выпучив глаза, удивлялась откуда такое богатство. Марго объяснила, что деньги везде есть, нужно только придумать бизнес. Как Наташе не могло такое прийти в голову? Зависть и злость все смешалось в душе у старшей сестры. Она накричала на Марго, пристыдила, что ее могли украсть, задавить, съесть, что в следующий раз она ее не пустит, вместе пойдут. Марго согласилась. Они договорились ничего не говорить маме, чтобы не расстраивать.

– Мама, смотри, что я у соседней на даче нашла, – кричала Марго, доставая пакетик с лекарствами.

– Радость – то какая, – воскликнула мама, – а то мне совсем худо. И тут же добавила: «Дача точно брошенная или нет?»

– Точно! Здесь никто не живет, только мы! – успокаивала маму Марго.

Маму быстро вернули к жизни две розовощекие красавицы. Они приносили мясо с рынка, косточки им отдавали торгаши бесплатно, говорили, собаки будут рады. Старушки из первого дома подарила целый пакет пирожков за уборку, была счастлива иметь таких помощниц, заключила долгосрочный союз. Правда все время спрашивала, чьи они такие будут, каких кровей, где живут. Но девочки не говорили, что они с заброшенных дач. Мама не велела. Говорили, – мы из центра. Из какого центра сами не знали. Помнили, что в Мурманске жили в центре города, часто слышали от прохожих, – я в центре, приезжай!

Валентина пришла в ЖЭК, попросила взять дворником, хоть на замену. Но у нее опять потребовали документ, удостоверяющий, что ты имеешь право держать в руках метлу. Замкнутый круг сдавливал шею удавкой. Что делать, уже ноябрь месяц, девочки должны ходить в школу, они бегают по заброшенным дачам, ищут занятие. Скоро зима, где жить? На даче замерзнут точно. На квартиру денег нет. Кто им даст мясо? Говорят, на рынке обрезки, кости бесплатно дают. Значит в городе бывают, пока я по дачам урожай собираю. Откуда деньги, чтобы до города доехать. Хотя с детей какой спрос. Зайдут с кем –нибудь из взрослых, стоя доедут. Нужно запретить им в город мотаться. Хотя кости – отличный навар для супов. Валентина поехала в город, хотела попасть

в гороно, написать заявление, что все документы сгорели, когда бежали из Карабаха, чтобы детям разрешили посещать школу, хотя бы вольнослушателями, пока документы восстановят. Она взяла девочек с собой. Когда шла по рынку, удивлялась, что с Марго и Наташей все здороваются.

– Бесстыжая! Детей заставляет побираться! – закричал на Валентину один из водителей такси.

– Никого я не заставляю! – возмутилась Валентина.

– Как же не заставляешь, на светофоре под машины лезут, фары моют! Нужно лишить тебя родительских прав!

Валентина вечером разбирала эту ситуацию с Марго и Наташей, требовала объяснить, зачем ввали маме.

Валентина строго глянула на опустивших глаза девочек, сказала, что домашнее задание будут делать большего объема, чем раньше. Валентина хорошо училась в школе, в училище, дома занималась с девочками сама. В гороно ее даже слушать не стали, сказали, что нужна прописка, иначе не определить территориально, в какой школе им учиться.

Днем Валентина нанималась капать огород местным жителям, в надежде снять жилье за трудовни. Но люди пожимали плечами, без денег не хотели пускать. Случайно увидела, что старые хаты в городе к зиме утепляют – прибивают войлок, прикручивают фанеру, все это замазывают глиной, белят, сдают жилье в наем. Предложила помощь за небольшую плату, люди соглашались, но жить не пускали. Некоторые просили огород очистить от сорняка, сжечь его, некото-

рые перебрать картофель, некоторые ощипать уток для продажи. Так она стала ходить по дворам, подрабатывать. Хоть здесь не требовали паспорт. А Марго с Наташей продолжали свой бизнес, – мыли фары всем, кроме таксистов. Им хотелось помочь маме. А вечером учили таблицу умножения, правила русского языка, которые она диктовала, засыпая.

На улице за окном падал первый снежок. Красиво падал, впервые не радовал Валентину. Как им продержаться в этой холодной избушке? Она каждый день вспоминала бывшего мужа, не понимала зачем он оставил их умирать, забрал паспорта, свидетельства о рождении, подsunул поддельные с новой фамилией. Конечно, она знала, что по старой фамилии найдут их сразу. Но как же поступить, либо умереть от того, что найдут бандиты, либо умереть от холода. Итог один и тот же. Валентина сильнее прижимала к себе дочерей, теперь они спали втроем на одном диване, чтобы не замерзнуть. Днем ходили греться в многоэтажные дома, расположенные поближе к даче. В подъездах были батареи. Но шепотом говорить было не очень приятно, терпели, чтобы не выгнали хозяева квартир, расположенных на первой площадке. Работы становилось все меньше. Огороды давно убраны, дома утеплены, куры проданы, денег не хватало даже на хлеб.

«Пойду завтра в милицию, скажу, что документы украли, пусть выдадут другой паспорт, но с голоду не позволю умереть детям», – вздыхала Валентина, доставая бутерброды, приготовленные заранее и термос, который оставил им Григо-

рий Фомич.

Валентина искала глазами его среди всех проходивших мужчин. Но ей мерещился только муж в белом костюме, каким запомнился. Сказать, что она его ненавидела нельзя было! Как могла оправдывала первого мужчину в своей жизни, первого друга в детском доме, первого родственника в жизни. Говорила, женщина виновата, соблазнила неопытного, не знает видно, что у него дети есть. Иначе какая – бы мать позволила так поступить? Конечно, он ей не сказал про детей. Ничего, может образумится, поймет, что наделал. Может с головой что случилось. Он же в последнее время сильно пострадал: все потерял, что строил для семьи. Весь бизнес. Вернется, никуда не денется. Он же за Марго, наверное, скучает? Не расставался с ней надолго никогда. Да и за Наташей тоже. Хоть она с ним постоянно ссорилась.

Валентина улыбнулась, глядя на Марго, которая засовывала бутерброд с таким аппетитом, будто от скорости засовывания зависит вся жизнь. Вспомнила, как последний кусочек всегда отдавала отцу. Наталья обняла крышку термоса, дышала травяным настоем, который сама собирала в полях, запах чабреца успокаивал, она закрыла глаза, вспоминая счастливую жизнь в Мурманске. Хорошо, здесь нет таких холодов, иначе бы замерзли совсем.

– Атас! – закричал цыганчонок, забегая в подъезд. За ним следом хлопнула с грохотом дверь и перед Валентиной появилась воровка шубы.

– О, кума, привет! – шепотом произнесла она, приставляя палец к губам, затем схватила Валентину за плечи, приказала присесть на пол, чтобы не видно было из окна. Девчонок схватила в обнимку, руками закрыла им рты. – Сидим тихо, пусть менты проскочат.

За дверью слышались тяжелые шаги, мужское дыхание, свисток и удалявшийся топот, бежали несколько человек. Валентина зло смотрела на цыганку Марию. На всю жизнь запомнила эту новую подругу. Шубы на ней не было. Как всегда, короткое пальто в растопырку пуговицы и длинная бархатная юбка снизу. Цыганчонок в рваных штанах, потертой кожанке, на два размера больше улыбался беззубым ртом Марго. Она укусила цыганку за руку, та вскрикнула, подула на пальцы, будто обожглась.

– Ах ты, зверек! – вскрикнула она. – Больно же!

– Отдай мамину шубу! – процедила сквозь зубы Марго, держась за бархатную юбку.

– Отдам, конечно, она мне все равно мала! А вы что здесь живете? – оглядывая подъезд произнесла цыганка, отцепив маленькую ручку Марго.

– Не твое дело! – произнесла Валентина. – Опять украла, бегаешь от правосудия?

– Кума, я ж не воровка! Пошутила тогда, поверь мне, хотела тебя проверить. Можно с тобой дружить или нет. Вернулась с шубой за тобой, тебя как в космос отправили. Пшик, нету тебя. Ты, молодец, к ментам не пошла, проверку про-

шла.

Цыганка Мария удивленно рассматривала пакет с бутербродами, термос на подоконнике, крошки, улыбнулась, потянув за теплый оренбургский платок Валентины, подмигнула. – Вам что жить негде?

– Не твое дело, – повторила Валентина.

– Как не мое, кума? Я же тоже брошенка. Тебя на улице не оставлю, будешь у меня жить.

– В таборе?! – обрадовалась Марго.

– В таборе! Где же еще, все ж в тепле! Пойдем, не обижу, шубу верну, честное цыганское! Мария никого не бросает. Это тебе не Роза, тварь, ментов на меня наслала.

Цыганка выглянула из двери, повернула голову вправо – влево, махнула рукой, чтобы выходили за нею следом. Валентина быстро собрала продукты, закрутила крышку термоса, уложила все в пакет, послушно повела девочек за цыганкой. Она готова была жить где угодно, лишь бы в тепле. Табор на зиму тоже пригодится. Живут же люди, не мерзнут. Не слышала ни разу, чтобы замерз хоть один цыган. Заодно шубу заберу. Мария ведь не отказывается.

Валентина быстрой походкой семенила за цыганкой, та перебежками от дома к дому, пробиралась к своему табору, как лисица в курятник. Валентина уже бежала следом за нею, чтобы не потерять из вида. Они окольными переулками пересекли город, обошли рынок стороной, оказались в лесу. Через заросли пробрались в город с другой стороны, увидели

вдалеке пруд. Валентина даже не знала, что в городе он есть. Заглядевшись на пруд, не заметила, как подошла к новому красивому особняку с высоким забором. Такие Валентина видела только на заграничных открытках. Перед ним была асфальтированная дорога с остановкой и лесополоса, больше ничего. Но коттеджи стояли друг к другу близко. Целый городок выстроен. Город Ставрополь разрастался.

Цыганка нажала на звонок. Дверь открыла девочка лет десяти, шустрая, говорливая, все время болтала на цыганском, захлеб объясняя что – то матери. Та молча кивала, гладила ее по голове. На многочисленных порожках стояла босиком маленькая двухгодовалая девочка. Она размазывала по лицу шоколад, вытирая слезы. Мария подняла ее на руки, обликала шоколад, засмеялась, поднимая повыше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.